

Е. Ю. Харькова

О трех «великих редакциях» переводов буддийских текстов на тибетский язык

Изучение истории перевода буддийских канонических и постканонических сочинений с санскрита на тибетский язык, их последующей селекции, редакции и кодификации представляет серьезную и далеко не полностью решенную проблему. Наряду с учеными-буддологами ее исследуют традиционные буддийские историографы, реконструирующие этапы развития родной культуры. Настоящее сообщение посвящено рассмотрению воззрений на данную проблему буддийского ученого-просветителя XX в., основоположника учения об истории тибетской культуры Муге Самтэна Гьяцо (1914–1993).

Традиционные историки буддийской культуры Тибета утверждают, что подготовка к переводу с санскрита первых буддийских текстов началась сразу же, как только Тонми Самбхота разработал новую систему письма. Первоначально была обеспечена организация приезда индийских учителей для обучения тибетских переводчиков. Вся эта работа финансировалась царем Сонцен Гампо и его женами — китайской и непальской принцессами. Согласно сочинению Муге Самтэна Гьяцо «Краткий очерк истории распространения традиционных наук в Тибете»¹, «приезд индийского ачарьи Кусары финансировала непальская супруга царя Тицюн (Bal bza' Khri btsun), вместе с ним в качестве переводчика работал Тонми Самбхота; приезд брахмана Шанкары финансировал сам царь, в качестве переводчика с ним работал Дхармакоша; приезд китайского ученого финансировала китайская супруга царя Кончжо (rGya bza' Kong Jo), в качестве переводчиков при нем выступали лично Кончжо и Лхалун Дорже Пэл; ученых из Непала и Кашмира финансировала непальская супруга царя Тицюн, переводчиками же были лично Тицюн и Тонми Самбхота»².

В тибетских хрониках и историографических трактатах, созданных до XVII в., встречаются упоминания о том, что главным основанием для начала переводческой деятельности послужило стремление к консолидации государства и к утверждению престижа Тибета в кругу сопредельных стран, а не желание ввести новое учение³. Первыми текстами, записанными тибетским письмом, были царские послания, указы и другие административные документы. После смерти

¹ Bod du rig gnas dar tshul mdo bsdu bshad pa. См.: rJe dMu dge bsam gtan rgya mtsho'i gsung-'bum (Собрание сочинений Муге Самтэна Гьяцо). mTsho sngon mi rigs dpe skrun khang, Zi ling, 1997, т. 3, с. 384–458. Далее название приводится в сокращении — BRD.

² BRD, с. 390.

³ См. цитату из «Общего обзора наук» (*Shes bya spyi'i khog dbug*) Суркхарвы Лодоя Гьялпо (XVI в.), приведенную Муге Самтэном в сочинении «Зерцало блаженства». Bod kyi lo rgyus kun dga'i me long [«История Тибета “Зерцало блаженства”»]. Собрание сочинений Муге Самтэна Гьяцо, т. 3, с. 34.

царя Сонцэн Гампо (около 650 г.) было создано первое сообщество писцов-летописцев (тиб. *yig tshang*) по модели китайского. Таким путем было положено начало фиксации событий тибетской истории, о которых мы можем судить благодаря копиям дворцовых хроник, сделанным для тибетской администрации в Дуньхуане.

В «Кратком очерке истории распространения традиционных наук в Тибете» Муге Самтэн пишет: «Великий царь Сонцэн возвел множество храмов, а затем приказал перевести на тибетский язык все буддийские тексты и книги по другим областям знания, привезенные первым переводчиком-лоцавой Тонми Самбхотой. [С этой целью] индийские ученые ачарья Кусара, Брахман Шанкара, ачарья Личжин, непальский ученый Шиламанджу, Кашмирские ученые-ачарьи Танута и Гханута и китайский учитель Хошан Махадэва были приглашены в Тибет в разные периоды времени. Среди тибетских переводчиков были Тонми Самбхота и его ученики Дхармакоша, Алока и Еше Пэл <...> По приказу царя ачарья Кусара перевел Абхидарма-питаку, непальские и [кашмирские] ученые перевели Сутра-питаку и Буддхааватамсаку⁴ и цикл тантр Авалокитешвары. Брахман Шанкара перевел Виная-питаку и раздел Крия-тантра»⁵.

Далее из текста мы узнаем, что, согласно приказу царя, Тонми открыл ковчег, называемый «Тайная святыня» (*gNyau ro gsang ba*), взял тексты «Сто заповедей религиозного поведения» (*sPang skong phyag rgya ba*), «Карандавьюха-сутра» (*Avalokiteśvara-gūṇa-kārandavyūha-sūtra*), Чинтамани-дхарани и дхарани, извлеченные из текстов сутр, и перевел их на тибетский язык. Муге Самтэн указывает, что текст «Ста заповедей», который имеется в Дэргеском издании Ганчжура (том 'Ya', № 1), — это перевод Тонми Самбхоты, и это указано в каталоге (*карчэ*). Также, согласно тибетским историческим источникам, Тонми перевел «Ратнамегха-сутру» (*dKon mchog sprin*) и «Стотысячную Праджняпарамиту» (*Śatasahasrika-prajñāparamita*).

Итак, Муге Самтэн, основываясь на материалах *чойчжунов*, утверждает, что уже на самом раннем этапе переводческая деятельность имела совершенно определенную направленность. Во-первых, переводились тексты из всех трех разделов Трипитаки; во-вторых, особое внимание уделялось циклу текстов, связанных с бодхисаттвой Авалокитешварой; в-третьих, переводились дхарани и тексты класса крия-тантры. В дальнейшем эти старейшие переводы претерпели несколько редакций, каждая из которых имеет свою историю.

В историческом сочинении «Зерцало блаженства» Муге Самтэн приводит сведения об основных попытках создания официального, унифицированного языка переводов (тиб. *bkas bcad*), следуя грамматической *шастре* нартанского ученого Чомдэн Ригпэ-Рэлти (вторая половина XIII — начало XIV вв.) под

⁴ В тексте — Phal chen; санскр. Buddha-Avatamsaka-nāma-mahavaipulya-sutra, тиб. Sangs rgyas phal ro che zhes pa. Сутра, включающая сто тысяч шлок и сто глав, входит в Ганчжур.

⁵ BRD, с. 389–390.

названием «Цветок, украшающий речь» (*sMra ba rgyan gyi me tog*) и хронологической таблице *bsTan rtsis lhag bsam rab dkar*. Муге Самтэн говорит о трех кампаниях по редактированию старых переводов, приведению их в соответствие с новыми принципами перевода и по унификации терминологии. Осуществление подобных мероприятий в общегосударственном масштабе было связано с осознанием существования разных стилей речи, развитием диалектов тибетского языка, а также с языковым разнообразием первоисточников — буддийские тексты переводились с языков Индии, Китая, Непала, Сахора (Бенгалии), Хотана и Тасига (Персии) ⁶.

Таких редакций переводов буддийских текстов и соответствующих им реформ в области языка было три ⁷. Первая проводилась во времена царя Сонцэн Гампо и была связана с введением письменности и первыми попытками переводов буддийских текстов.

Вторая явилась одним из самых крупных культурных событий во время правления царя Тицуг Дэцэна Рэлпачена (817—838), и в ней большую роль играло участие трех тибетских переводчиков — Кава Пэлцэга, Чогро Луи Гьялцэна и Шан Ешедэ.

Третья реформа происходила во времена царя Еше вё под руководством переводчика Ринчен Санпо (958—1055).

Тексты в этих трех редакциях и сам язык переводов существенно различались между собой. Переводы буддийских сочинений подвергались многократным редакциям и в дальнейшем. Муге Самтэн отмечает, что большинство переводов, входящих в корпус тибетского канона в наши дни, — «это, скорее всего, не только не переводы эпохи царя Сонцэна, но даже и не те, что были сделаны в “первоначальный” и “поздний” периоды распространения Учения. Книги пропадали или уничтожались в результате действий царя Ландармы, а многие из тех, что уцелели, разошлись [по стране], и ни одного экземпляра не удалось обнаружить, о чем свидетельствуют *карчаги* Ганчжура и Данчжура» ⁸.

Вторая реформа языка, или «большая редакция», была исключительно важной для последующего развития переводческой деятельности, и ей Муге Самтэн уделил особое внимание в BRD. В начале IX в., в год лошади, — как предположил Дж. Туччи, в 814 г. — по приказу царя Тидэсонцэна, отца Рэлпачена ⁹, группа индийских и тибетских ученых начала работу над созданием нового свода правил

⁶ Snellgrove D. Indo-Tibetan Buddhism. Boston, 1987, p. 400, n. 40.

⁷ Во Введении к третьему выпуску словаря «Источник Мудрецов» (раздел «Тантра») В. Н. Пупышев приводит следующую периодизацию этапов перевода буддийских текстов с санскрита на тибетский язык: первоначальный этап (VII в.), второй этап (VII—IX вв.), третий этап (IX в.). Источник мудрецов. Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма (*Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas*). Тантра (вып. 3) / Подготовка текста, пер. и прим. В. Н. Пупышева. Улан-Удэ, 1978, с. 17.

⁸ BRD, с. 392.

⁹ См. Tucci G. The Tombs of the Tibetan Kings. Serie Orientale Roma. Roma, 1950, p. 14.

перевода с санскрита на тибетский язык. Осуществились попытки усовершенствовать технику перевода и выработать единый подход к переводу буддийской терминологии. Одновременно с переводом новых текстов были собраны и отредактированы переводы, выполненные ранее. Затем их названия свели в каталог (*карчаг*) и провели сквозную нумерацию всех переведенных книг. До наших дней дошел один из ранних каталогов (начала IX в.) — *карчаг* Дэнкарма, еще два ранних *карчага*, известных из документов, — Пантанма и Чимпума — по сей день не обнаружены. Ранние *карчаги* были прообразом тибетского Ганчжура и Данчжура, поскольку в них уже прослеживалась тенденция к систематизации текстов: шастры шли после Слова Будды, а тексты внутри раздела Слова Будды следовали в порядке Сутра, Тантра, Виная¹⁰.

В BRD Муге Самтэн особенно подробно излагает обстоятельства этой второй по счету реформы языка. В ходе реформы царь Рэлпачен издал три указа, касающихся переводов: указ о новых нормах языка; указ, запрещающий переводить любые другие тексты Винаи, кроме тех, что принадлежат традиции *муласарвастивада* (*gZhi thams cad yod par smra ba'i sde pa bdun*); указ, запрещающий переводить тексты Тайной Мантры класса «материнских тантр».

Одним из достижений тибетских буддийских ученых этого времени было создание великого лексикографического труда — санскритско-тибетского словаря «Махавьютпатти», основанного на предварительном исследовании этимологии и функционирования буддийских терминов в индийских сочинениях. Муге Самтэн пишет: «Когда лоцавы и пандиты вносили изменения в язык, они составили три варианта — большой, средний и малый — [санскритско-тибетского словаря] *Bye brag rtog byed* [*Maḥāvūtpatti*]. Большой и средний варианты — *sGra sbyor bam gnyū* — вошли в Дэргеский Данчжур (том 'Со', раздел "разные тексты")»¹¹. В своем каталоге Данчжура Кордые предполагает, что существовало три варианта этого словаря, восстанавливая их санскритские названия, — *Maḥāvūtpatti*, *Madhyavūtpatti*, или *Vaco-vūtpatti*, и *Ksudravūtpatti*. (*Vūtpatti* — существительное женского рода, означающее «источник», «деривация», «этимология»). Название работы говорит о типе исследования, проведенном при составлении словаря.

Первым исследователем «Махавьютпатти» был Александр Чома дэ Кёрёш, который в 1830-х гг. приступил к изучению этого памятника в Калькутте. Он основывался на тексте, содержащемся в одном из доступных ему изданий Тэнгьюра из Ладака, где словарь находился в разделе *mDo*, том 'Go' (ff. 223—337). Полное название словаря в этом издании — «Большое исследование [этимологии], осуществленное многими переводчиками и учеными» (*Lo ran tang ros mdzad pa'i bye brag tu rtogs byed chen po*). Словарь не был издан при жизни

¹⁰ Harrison, Paul. A Brief History of the Tibetan bKa' 'gyur // Tibetan Literature: Studies in Genre. NY, 1996, p. 73.

¹¹ BRD, с. 410.

Чома дэ Кёрёша. Подготовленная им рукопись вышла в свет только в 1910 г.¹² Таким образом, публикация санскритской терминологии «Махавьютпатти», осуществленная И. П. Минаевым в 1887 г.¹³, опередила выход в свет работы Чома дэ Кёрёша. Публикация Минаева основывалась на рукописи из коллекции библиотеки Санкт-Петербургского университета, которая включала четыре языковые версии словарного состава — санскритскую, тибетскую, китайскую и монгольскую.

Следующее издание «Махавьютпатти» осуществил Кёдзабуро Сакаки в 1916 г.¹⁴ А через два десятка лет, в 1936 г., тибетский индекс к «Махавьютпатти» с санскритскими параллелями был издан Нисио Кё¹⁵. На рубеже 1980—1990-х гг. вышли в свет в Японии два выпуска критического издания словаря: Ishihama Y. and Fukuda Y. A New Critical Edition of the Mahāvīyutpatti: Sanskrit-Tibetan Mongolian Dictionary of Buddhist Terminology. *Studia Tibetica* 16. Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries. Vol. 1. Tokyo, 1989 и Ishikawa M. A Critical Edition of the Sgra sbyor bam po gnyis pa: An Old and Basic Commentary on the Mahāvīyutpatti. *Studia Tibetica* 18. Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries. Vol. 2. Tokyo, 1990.

Предисловие к sGra sbyor bam gnyis (досл. «Двухязычный словарь в двух томах»), в котором рассказано, как составлялся словарь, частично переведено Альфонсой Феррари в ее исследовании, посвященном «Архавинишчае»¹⁶, и полностью переведено на немецкий язык норвежским ученым Нильсом Симонссоном в его докторской диссертации «Методы работы тибетских переводчиков»¹⁷. Муге Самтэн включил текст предисловия в сочинение «Краткий очерк истории распространения традиционных наук в Тибете». Поскольку данное предисловие представляет существенный буддологический интерес, ниже приводится выполненный нами его полный перевод на русский язык.

«В год лошади царь Тидэсонцэн (здесь допущена ошибка: правильно Тидцугдэцэн)¹⁸ пребывал во дворце Вёнчандо (’Op sang rdo, другое написание — ’U shang rdo) в Ки. Он подчинил главнокомандующего [войска] Томэ (sTod sMad) и всех разбойников. Посланник от гарлоков почтительно склонился

¹² Sanskrit-Tibetan-English Vocabulary Being an Edition and Translation of the Mahāvīyutpatti by Alexander Csoma de Cōrōs. *Memoirs of the Royal Asiatic Society of Bengal*. Vol. IV. No 1. Calcutta, 1910.

¹³ Минаев И.П. Буддизм: Исследования и материалы. СПб., 1887.

¹⁴ Sakaki, Kyōzaburō. *Honyaku myōgi taishū / Mahāvīyutpatti*, 1916.

¹⁵ Kyō, Nishio. *Tibetan index to the Mahāvīyutpatti with Sanskrit Equivalents*. Kyoto, 1936.

¹⁶ Ferrari A. *Arthaviniścaya*. Roma, 1944, p. 538–542.

¹⁷ Simonsson N. *Indotibetische Studien. Die Methoden der tibetischen Übersetzer*. Uppsala, 1957, s. 238–263 (перевод и комментарий текста).

¹⁸ В круглых скобках даны примечания Муге Самтэна.

перед царем. Главные министры Шан Тисур Рамша и Манчже Лхавё и другие, завоевав столицы многих государств, поднесли царю много верблюдов, коней и коровьего масла. Каждому из главных министров и прочих [сановников] царь пожаловал богатые дары. В это время западные ученые ачарья Джинамитра, Сурендра-бодхи, Шилендрабодхи, Данашила, Бодхимитра, а также тибетские ученые Ратнаракишта, Дхарматашила, опытные ученые-лоцавы Джнянасена, Джаяракишта, Манджушириварма, Ратнендрашила и другие перевели с языка Индии на тибетский [тексты] из [собраний] Большой и Малой Колесницы, и, строго закрепив за ними их названия, записали в каталог.

Царь издал указ никогда не изменять эту традицию перевода и переводить так, чтобы [переведенный текст] могли изучать все. Ранее, во времена правления Сына Богов [Тисон Дэцэна], Ачарья Бодхисаттва [Шантаракишта], Еше Ванпо [Джнянендра], Шан Гьяльнен Ньясан, Лён Тишер Саниши (это, вероятно, тоже ошибка в написании: сына министра Тишера звали Саништа; считается, что Саниши — имя китайского юноши), лоцава Джнянадэвакоша, Чеки Дуг, брахман Ананта нашли тибетские эквиваленты для слов языка Дхармы, который прежде не был известен в Тибете, и [буддийские термины] стали намного более понятными. Однако некоторые из них не согласовались с оригиналами буддийских текстов и традицией вьякараны. Их нельзя было оставлять в прежнем переводе, и [новая коллегия переводчиков] внесла соответствующие исправления. [Перевод текстов] дополнили приложением из самых важных терминов, согласовав это с тем, как эти термины использовались в текстах Большой и Малой Колесниц, как их употребляли древние ученые Нагарджуна и Васубандху, и что следует из грамматической традиции вьякараны.

Редко встречающиеся словосочетания разложили на составляющие их части и, снабдив аргументированным объяснением, записали в книгу. Одиночные термины, которые трудно было [однозначно] объяснить, передавались фонетически, для них находили звуковые соответствия и строго фиксировали. Некоторые слова переводились по смыслу, для них находили смысловые соответствия и строго фиксировали. Затем в присутствии царя вновь собралась коллегия ученых, возглавляемая достойным Пэлки-Ёнтэном и достойным Тинэджином. После того, как они доложили царю и ассамблее министров [о результатах своей работы], и были окончательно приняты методы перевода текстов Дхармы и тибетский перевод санскритских терминов, царь издал следующий указ:

По поводу норм перевода благородной Дхармы повелеваю:

Нельзя отступать от смысла [оригинала], и в то же время язык тибетского перевода должен быть как можно более совершенным. Переводя тексты Учения, порядок слов, принятый в санскрите, можно оставить неизменным, если точно передается смысл. От порядка слов [оригинала] отступают,

если при этом перевод хорош и понятен; в стихотворном тексте шлока должна содержать четыре или шесть строк, и лишь в пределах одной шлоки строки могут меняться местами, но смысл следует передавать как можно более точно. В прозаическом тексте при изменении порядка слов смысл [переводимой] фразы должен как можно лучше сочетаться со словами и смыслом предшествующей.

Когда встречаются слова, которые одинаковы по звучанию, но означают разные понятия, тибетский перевод должно подбирать в соответствии с тем, что стоит до и после данного слова. Например, слог «гау» в слове «гаутамья» может означать «слово», «сторона», «земля», «свет», «бриллиант», «бык», «высшее рождение» и многое другое. Слово «каушика», например, может иметь следующие значения: «трава куша», «ученый», «тот, кто любит лотос», «сова», «обладающий сокровищицей» и т. д. Если подобные [многозначные] санскритские выражения найти и перевести, получится много перечней разных [по значению слов], но в каждом из переводов [слова, входящие] в такой перечень, нельзя использовать бессистемно.

В случаях, когда нет веских оснований для того, чтобы [для термина] создавать особый тибетский эквивалент, не переводить, а оставлять его на санскрите. Если встречается слово обычного, общего значения, не следует ограничиваться одним переводом, можно переводить в соответствии с общим смыслом.

Когда переводятся названия стран, животных, цветов, растений и т. д., могут получиться переводы, вводящие в заблуждение, лексически неудачные или вызывающие сомнение в том, согласуются ли они с переведенным ранее. [Чтобы этого не происходило], в начале [словосочетания] следует поставить слово «страна», «цветок» и т. д., а сразу же после него добавить имя собственное, которое можно оставить без перевода на санскрите.

Если переводить числительные в соответствии с нормами санскрита, то могут иметь место такие выражения, как «двенадцать с половиной сотен гелонов». Их можно переводить, как это принято в тибетском — то есть как произведение — «1250 гелонов», поскольку не будет искажен смысл, и язык перевода будет хорош [по стилю].

Когда встречаются санскритские [префиксы], подчеркивающие и усиливающие значение слов, подобно тибетским частицам, такие как пари-, сам- и упа-, они должны переводиться в соответствии с их значениями и присоединяться к словам согласно морфологическому составу оригинала, например, «полностью» (yong su); «действительный», «совершенный» (yang dag ra); «близкий», «почти» (nye ba). В случаях, когда в словах не прослеживается дополнительного значения, к составу слова не следует ничего добавлять и переводить нужно в соответствии со смыслом.

Что касается слов, входящих в перечни [категорий], то если они не объяснены, то должны переводиться в соответствии с их общепринятым

употреблением в тибетском языке с помощью наиболее подходящих слов. Если они объяснены, то переводить нужно в соответствии с сопровождающим их [разъяснением].

Что касается иерархии таких слов, как будда, бодхисаттва, шравака и тому подобных, которые выделены в особый список, то слово будда должно использоваться в переводе только с почтительными формами, другие же — со средним, не столь возвышенным, слоем лексики.

Переводить следует в соответствии с традицией, установленной в высочайшем присутствии Сына Богов [Тисон Дэцэна] собранием ученых и лоцав, которые перевели на тибетский «Дхарма Кёнчогтин» [Ratnamegha-sutra] и «Ланкаватара-сутру». Никто не имеет права отступить от этих норм, установленных царским приказом, и самостоятельно создавать новые тибетские переводы для слов, которые уже были переведены. Если же переводчикам или проповедникам будет необходимо самим создать новые тибетские соответствия слов, они не должны делать этого, полагаясь на себя: следует обосновать [перевод] тем, что эти слова произошли из писания Дхармы и традиции языка и исследовать, что относится к Учению. Затем переводчики должны явиться в специальную Комиссию Переводов Учения Победоносного и представить [свои переводы] ученым редакторам. После того, как перевод будет выслушан, его по приказу царя должны внести в словарь [переведенных слов].

Тантры Тайной Мантры правительство должно сделать секретными: их не следует проповедовать и разъяснять тем, кто еще не стал подходящим сосудом. Так как до сих пор их переводили и практиковали, не понимая их тайного языка, то следовали им буквально, и появилось множество ложных практик. Те из тантр Тайной Мантры, которые уже собраны и переведены на тибетский язык, могут быть дарованы только ламой — наставником по тантре, те же мантры, что еще не были переведены, запрещается собирать и переводить.

Из слов, перевод которых ранее не был утвержден и зафиксирован, прежде всего должны быть присоединены к прочим и разъяснены те, что произошли из текстов Большой и Малой Колесниц и грамматической традиции [санскрита]¹⁹.

Принцип организации лексического материала, который сгруппирован в «Махавьютпатти» по тематическим разделам, и в дальнейшем использовался в тибетской и монгольской лексикографии.

В X—XIII вв., в период возрождения буддизма после гонений Ландармы, фигура переводчика становится в тибетской культуре столь же значимой и почитаемой, сколь и фигура буддийского великого аскета — махасиддха. Такой высо-

¹⁹ BRD, с. 410—415.

кий статус переводческой деятельности объясняется тем, что проблема догматической чистоты тибетской формы буддизма отождествлялась с вопросом об аутентичности языка переводов буддийских текстов. Соответственно ученый лоцава был необходимым и ключевым звеном в обеспечении качества переводных текстов.

В рассматриваемый период теория и практика традиционной науки о языке (*sgra rig pa*), одной из «пяти больших» наук, и ее вспомогательных дисциплин переходят на качественно новый уровень. Муге Самтэн, как и другие тибетские историографы, отводит большое место описанию практического аспекта науки о языке — характеристике переводческой деятельности, выдающихся переводчиков, их школ и линий учительской преемственности.

Расширение переводческой деятельности было связано с именем прославленного переводчика Ринчен Санпо (958—1055), создателя новой переводческой школы. Согласно BRD, «Ринчен Санпо трижды был в Кашмире, получил наставления от 75-ти пандитов и изучил множество книг по *лакшанаяне* и *мантраяне*. Достигнув большой учености, он перевел множество сутр и тантр. Все переводы тантрийских текстов, сделанные начиная с этого времени, называются “Новые тантры” (*gSang ngag gsar ma*)<...> Если дать оценку деятельности этого великого лоцавы в целом, то он сделал больше всех других»²⁰.

Согласно сочинению «Неисчерпаемый источник общего блага»²¹, третья «великая редакция» переводов, начавшаяся под руководством Ринчен Санпо, отличалась существенной растянутостью во времени. Ссылаясь на грамматическую шастру Чомдэн Ригпэ Рэлти «Цветок, украшающий речь» (*sMra ba'i rgyan gyi me tog*), Муге Самтэн указывает, что третью редакцию начал Ринчен Санпо, а завершили учитель Чомдэн Ригпэ Рэлти, лоцава Гелон Чойчже, то есть она продолжалась до середины XIII в.²²

Другой особенностью третьей редакции явилась ревизия старых переводов тантр, приведшая к обновлению переводов большинства текстов. Потребность в обновлении переводов обуславливалась не столько проблемой унификации терминологии, сколько распространением искаженных тантрийских практик. Подлинные тексты оказались во множестве утраченными, а, кроме того, из Индии пришли и лжеучителя, проповедовавшие в Тибете ложные учения. Как утверждают тибетские историографы, размах проповеди ложных учений был настолько велик, что угрожал стабильности государства. Ринчен Санпо и члены его школы сделали важный шаг к адекватной классификации тантр и пониманию содержания тантрических текстов.

²⁰ BRD, с. 428.

²¹ *Spyi nor phun tshogs* [«Неисчерпаемый источник общего блага»]. Собрание сочинений Муге Самтэна Гьяцо, т. 3, с. 816—859.

²² *Spyi nor phun tshogs*, т. 3, с. 836.

Приход в Тибет прославленного учителя Атиши дал новый импульс переводческой деятельности и изучению десяти традиционных наук. Муге Самтэн обращает внимание на универсальность знаний Атиши, сочинения которого характеризуются разнообразием тематики и жанров. Среди его произведений в BRD упомянут медицинский трактат *sMan dpyad 'Tsho ba'i snying bo*, сочинение по геомантии *Sa dpyad las nam 'byed*, наставительный текст для благого правителя «Вималаратналекха» (*Dri ma med pa'i phrin yig*), составленный Атишей на пути в Тибет и адресованный непальскому царю Наяпале (Нирапале). Этот дидактический памятник сохранился лишь в переводе на тибетский язык, включенном в состав Данчжура²³. Сочинения Атиши «Бодхипатхапрадипа» и «Мадхьямака-упадеша-нама» положили начало тибетской комментаторской традиции теории пути Махаяны, пути, на котором в дальнейшем особый акцент делал Цонкхава.

Благодаря просветительской деятельности Атиши осуществились переводы многих фундаментальных буддийских текстов. Среди переводчиков, принадлежавших кругу Атиши, числились Тагчжор Шейраб, Нагцо лоцава, Шакья-вё, Йолчаг Дорже Ванчуг и Гело. Строгими последователями Атиши являлись Домтонпа Гьялвэ Чжуннэ, основатель монастыря Радэн, Кутон Цондуй Юндун, Гой Куппа Лхэцэ и Ог Лэгпе Шейраб, основатель монастыря Санпу, и его племянник — прославленный переводчик Ог Лодэн Шейраб. Эти буддийские ученые и так называемые «трое братьев школы Кадам» — Потова Ринченсэл (1027—1105), Ченава Цюлтимбар (1033—1103) и Пучунва Шонну Гьялцэн (1031—1106) — стояли у истоков формирования школьной традиции Кадам.

Еще один важный этап в истории переводческой деятельности и десяти традиционных наук, описанный в BRD, связан с прибытием в Тибет великого кашмирского пандиты Шакьяшрибхадры (1127—1225), последнего настоятеля Викрамашила-вихары, покинувшего обитель незадолго до ее гибели в 1203 г. Согласно Муге Самтэну, «Шакьяшрибхадра прибыл в сопровождении девяти младших переводчиков, среди которых были Вибхутичандра, Данашила, непальские ученые Самгхашри и Сугаташри. Вибхути и Данашила оставались в Тибете в течение долгого времени. Овладев тибетским языком, они стали переводить самостоятельно»²⁴.

Именно школа Шакьяшрибхадры оказала мощное влияние на Сакья Пандиту (1182—1251), который более чем кто-либо иной из его современников способствовал распространению традиционных наук и стал первым в Тибете теоретиком научного познания. Среди сочинений Сакья Пандиты, посвященных вопросам науки о языке и связанных с нею «малых наук», в BRD упомянуты «Собрание

²³ Жанр буддийских дидактических посланий восходит к Нагарджуне, который считается автором сочинений «Сухрил-лекха» и «Ратна-авали раджа-парикатха». См.: Андросов В. П. Нагарджуна и его учение. М., 1990, с. 91—106.

²⁴ BRD, с. 438.

мудрых изречений Сакья Пандиты» (*Sa skya legs bshad*), «Введение в грамматику» (*sGra-'jug*), «Краткое руководство по грамматике» (*sGra nye bar bsDus pa*), «Маленький цветок метрики» (*sDeb sbyor me tog chung ro* — трактат по санскритской просодии, в основе которой лежит сочинение по метрике Ратнакарашанти), *Tshig gter* (лексикографическая работа, основанная на санскритском словаре «Амаракоша»), «Шастра по музыке» *Rol mo'i bstan bcos* — трактат по теории музыки, пения и метрики), шастра по поэтике «Украшение уст ученых» (*sNyen ngag mkhas pa'i kha rgyan*), сочинение по театральному искусству (*Zlog gar rab dga'i 'jug pa*), шастры по изобразительному искусству и техническим наукам (*sKu zgugs kyi bstan bcos*, *bZo'i bStan bcos*).

Особое место в творчестве ученого занимает трактат «Введение в науку» (*Mkhas pa rnam s'jug pa*)²⁵, где были впервые сформулированы три области деятельности буддийского ученого — проповедь, искусство диспута, создание сочинений (тиб. 'chad rtsod rtsom gsum), приведена классификация «пяти больших» и «пяти малых» наук и посвященных им трактатов (шастр). «Введение в науку» явилось первым руководством для тех, кто избрал для себя путь ученого. Концепция Сакья Пандиты положила начало систематическому подходу к изучению «пяти больших» и «пяти малых» наук в рамках монастырской образовательной программы.

В XIII в. работали еще несколько выдающихся переводчиков, известных своими познаниями в области санскрита, грамматики, поэтики и других наук. О них в BRD сказано: «Шон-лоцава Дорже Гьялцэн в течение пяти лет изучал “пять малых” наук в Непале под руководством пандита Махендрабхадры и особенно тщательно — грамматику. Пригласив в [Тибет] пандита Лакшашри, вместе с ним перевел “Зерцало поэзии” [Дандина] (*sNyen ngag Me long*), сочинения “Бодхисаттва-аваданакалпалата” (*dPag bsam 'khri shing*) [Кшемендры], “Нагананда-натака” (*kLu kun tu dga ba'i zlo gar*) [Шрихаршадэвы], “Локешвара-шатака-стотра” (*bsTod pa brGya ba*) [Ваджрадэвы], а также “Калачакра-тантру” с важнейшими комментариями»²⁶. Переводческая и редакторская деятельность Шон-лоцавы способствовала рецепции «десяти наук» в Тибете. Его младший брат Шон Лодой Тэнпа также работал как переводчик и редактор.

²⁵ Это сочинение Сакья Пандиты входит в Сакья Кабум. Текст опубликован: *Sa skya pa'i bka' 'bum*. Vols 1–15 (Ka–Ba) / Pandita Kun dga rgyal mtshan gyi bka' 'bum (Tha). No 6, f. 163–224a. Токуо: The Toyo Bunko, 1968.

²⁶ BRD, с. 440.

²⁷ Процесс составления сводов тибетобуддийского канона и разные издания Ганчжура и Данчжура проанализировала Т. М. Маланова. См.: Маланова Т. М. Тибетский канон Ганчжур и Данчжур как движущаяся система текстов // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986. См. также: Островская Е. А. Воины радуги. Институционализация буддийской модели общества в Тибете (Глава II. Институциональное оформление школ тибетского буддизма). СПб., 2008, с. 97–170.

Итак, согласно Чомдэн Ригпе-Рэлти, в середине XIII в. закончилась третья «великая редакция» переводов и реформа языка, начатая Ринчен Санпо. За это время вновь переведенные и отредактированные тексты собирались и систематизировались учеными-*питакадхарами* в монастырях Шалу и Нартан. Каталоги (*карчаги*) собранных рукописей образовали основу ранних рукописных сводов тибетского канона. В кадампинском монастыре Нартан составлением канонических сводов занимались ученые Чомдэн Ригпе-Рэлти, его ученик Цюнпа Чжампэян, ученик двух первых Уйпа Лосэл и другие²⁷. В дальнейшем систематизацию Нартанского свода, редакцию текстов, составление карчага осуществил Будон. Его знаменитый *Чойчжун* (1322) можно рассматривать как итог этой работы. Подчеркнем, что парадигма «пяти больших» и «пяти малых» наук в то время уже прочно укоренилась на тибетской этнокультурной почве, о чем свидетельствует состав тибетского Данчжура. В Нартанском издании Данчжура сначала следуют шастры «пяти больших наук», начиная с *адхьатмавидьи*, затем идут шастры «малых наук».

Три «великие редакции» переводов, три реформы языка выступили культурно-историческими стадиями в процессе совершенствования методов и понятийно-терминологического аппарата перевода буддийских канонических и постканонических произведений, созданных за пределами Тибета. Вторая редакция, продолжавшаяся несколько десятилетий, послужила основой для формирования норм классического тибетского языка. Один из ее выдающихся результатов — создание фундаментального лексикографического труда «Махавьютпатти». Третья редакция завершилась кодификацией тибетобуддийского канона. Развитие практического аспекта науки о языке способствовало достижению адекватного понимания оригинальных буддийских текстов, письменно зафиксированных на языках Индии, прежде всего на санскрите. Тибетский язык благодаря этому превратился в один из базовых языков буддийской культуры.